

Денис Шварц

Завет Петра 6

Добить льва

Денис Старый

Завет Петра 6. Добить льва

<https://litres.ru/74629837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.

Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.

Вот только сначала нужно не дать себя добить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Денис Старый

Завет Петра 6. Добить льва

Глава 1

Москва

10 августа 1725 года

— Война со Швецией? – переспросил Остерман.

Прекрасные глазки Маши уставились на меня вопрошающе и с тревогой. Старческие, но все еще горящие огнем, глаза Посошкова так же спрашивали. Но, наверное, прямо сейчас подсчитывал, сколько денег нужно еще и на шведскую войну затратить.

В комнате повисла звенящая, тяжелая тишина. И в этих глазах присутствующих плескался неприкрытый, почти первобытный испуг.

Северная война слишком тяжело далась России. Это была важнейшая веха, выковавшая империю, но она же едва не поставила всю державу на самый край финансовой и демографической пропасти. А в чем-то и способствовала тому кризису, который сейчас я стараюсь преодолеть.

Двадцать один год непрерывной кровавой мясорубки. Пережить подобное еще раз для многих казалось просто

немыслимым. Да, Ништадтский мир был подписан. Замирились со шведами. Но замирились так, словно и не были абсолютными победителями: за отвоеванные, политые русской кровью земли Лифляндии и Эстляндии пришлось заплатить шведской короне два миллиона ефимков полновесным серебром! И это в условиях жесточайшего финансового кризиса! А сколько уходило денег на поддержание польского двора Августа?

То-то! С него еще спросить нужно будет за те деньги. И не только за них. Но плодить проблемы я бы не хотел. Со временем, поляки еще осознают, что наживаться на мне им дороже.

Но тогда, после подписания мира со Швецией, вся страна шумно выдохнула. А теперь, выходит, нужно снова набирать полные легкие воздуха, засучивать рукава и впрягаться в кровавую лямку?

— Ты всё правильно понял, Андрей Иванович. За что я тебя и ценю, — я откинулся на спинку стула, спокойно выдерживая его взгляд. — Узрел в самый корень.

Я обвел глазами замерших соратников.

— Северного льва нужно добивать, господа. Окончательно ломать ему хребет. Иначе эта шведская заноза будет переходить от одного моего потомка к другому, воспаляясь при каждой нашей слабости. Если мы не решим этот вопрос сейчас, пока они не оправились, то сколько еще ляжет русских солдат в холодных финских болотах через двадцать, через

пятьдесят лет? Я этого не допускаю.

Я говорил уверенно, опираясь на послезнание. Я прекрасно помнил из прошлой жизни, что шведы еще не раз попытаются взять реванш — и в 1741-м, и при Екатерине, потом будет война и в начале следующего века. И не сказать, что эти войны оказались прогулками. Нет, победили и внешне легко, но нюансов, как и крови, было много. Умалчивалось. Так что Эту угрозу нужно было купировать превентивно.

А для этого нужен был железобетонный повод. Казус белли. Нарушить договор не так-то и легко. Кто со мной потом заключать союзы будет, или искать систему сдержек и противовесов? Это шведам с рук сошло, когда они в иной реальности почти и не озаботились обоснованием повода к войне начали действовать, посчитав, что императорская власть младенца Ивана VI слаба, как никогда в России раньше.

Правда заключалась в том, что протоколы дознания участников покушения на меня, которые только что прочитал Остерман, были во многом мастерски сфабрикованы. Исключение составлял лишь один факт. Сержант, руководивший фанатиками, жаждущими пустить мне кровь (из которых моя гвардия уложила больше сотни), в далеком прошлом действительно был шведским шпионом. Да, он уже долгие годы не выходил на связь со Стокгольмом и не передавал никакой информации. Он давно осел, оброс связями и ударился в религию. Но для большой политики это не имело ровным счетом никакого значения.

Был такой шпион? Да. Для этого, между прочим он и внедрился в старообрядческую общину, где имен особо и не спрашивали. Но староверы немало знали о происходящем вокруг, среди них были полновесные стратеги, выжидающие момент.

Тайная канцелярия по моему прямому указу оформила документы так, комар носа не подточит: за дерзким покушением на русского императора стоят не религиозные раскольники-старообрядцы, а корона Швеции.

— Скажи, канцлер, зачем это нужно еще? – решил я принять экзамен у своего первого министра.

И он, пусть не сразу, но ответил мне.

А сделать это было необходимо по двум причинам. С одной стороны, признать правду, что только старообрядцы замешаны в покушении на того, кого раз за разом спасает Пресвятая Богородица — значило бы своими руками разжечь в стране костер религиозного террора. Пришлось бы начать практически гражданскую войну, где одни православные будут нещадно резать других. Карательные экспедиции, массовые казни на площадях, пыточные застенки... Это значило бы лишиться десятков, а то и сотен тысяч крепких, работающих подданных.

Мне же нужно было, чтобы внутри державы воцарились мир и экономическое благоденствие. Понятно, что абсолютно идеальной тишины не бывает никогда, всё познается в сравнении. Но если благодаря этой фальсификации мой трон

получит новую, железобетонную опору в виде благодарных старообрядцев — я не вижу в этом ничего, кроме блага для государства.

Обелить раскольников было жизненно необходимо. Внедрить в массы нужный нарратив: старообрядцы — верные сыны отечества, просто их, темных и доверчивых, использовали «втемную» коварные шведские агенты.

Пусть народный гнев канализируется правильно. Вот где наш истинный враг. За пределами России. И мы идем за ним.

Создание образа безжалостного внешнего врага — это классическая, проверенная веками методика для консолидации общества. И я прекрасно понимал: то, что нужно было сделать сейчас со Швецией, разительно отличалось от ситуации на юге. И сделать врагом татар не вышло. Сложно в целом воспринимать врагом того, кто далеко и кого бьют войска и в хвост и гриву.

Еще недавно казалось, что наша Крымская кампания — чистой воды политическая авантюра, а не планомерная война, которая окажется для нас более чем победоносной. Поначалу люди в столицах откровенно боялись последствий. Но теперь вся паническая шумиха улеглась.

Крым — он где-то там, далеко на юге. Там, в ковыльных степях, славные русские полки бьют извечных врагов России, а вот внутренним губерниям уже ничто не угрожает. Нет у Крымского хана таких сил, чтобы ответить ударом на удар.

Да что там хан — даже подсознательный страх перед пол-

номасштабной войной с могучей Турцией больше никого не поглощает. Высший свет и простой народ вдруг уверовали в то, что мы побьем кого угодно, причем малой кровью и на чужой территории, а пожар войны никаким образом не докатится не то что до Петербурга, но даже до Москвы.

Крайне опасные ощущения, когда-то нечто подобное сильно вредило героическим воинам Великой Отечественной.

А вот отношение к шведам в обществе было совершенно иным.

Во-первых, сама новая столица Российской империи — блистательный Санкт-Петербург — находилась настолько пугающе близко к шведским границам, что хватило бы и трехдневного форсированного марша, чтобы вражеская армия оказалась на подступах к городу.

Во-вторых, любому мало-мальски мыслящему человеку было понятно: шведы прямо сейчас, скрипя зубами, зализывают раны, чтобы выждать момент и найти повод для новой военной стычки. Я же, опираясь на знания из будущего, знал это наверняка: не прошло бы и пятнадцати лет, как началось бы новое кровавое противостояние России и Швеции. Так зачем же покорно ждать? Зачем играть на шведских условиях и отдавать им право первого хода?

— Ну а если шведы всё-таки дрогнут и побоятся идти с нами в открытую войну прямо сейчас, то под давлением этих «улик» они вынуждены будут пойти на серьезные уступки,

— выдавал я геополитическую базу внимательно слушающему Остерману. — Самая главная наша задача на северном направлении — это максимально оттянуть границы Швеции от Санкт-Петербурга. Дать столице стратегическую глубину обороны.

— Этого мало, Ваше Величество, чтобы говорить о справедливой войне. Это все назовут поводом, — тихо, но очень веско обронил канцлер, барабанивая тонкими пальцами по столу.

— Мало... Хотя мне все равно, что скажут. Нас обвинят, если это будет выгодно другим даже в том случае, если мы сдадим шведам Петербург.

— Это да... Но просто отодвинуть границу... Этим мы шведского льва не умирим, лишь разозлим пуще прежнего. Доказательства их вины в покушении на помазанника Божьего должны быть неопровержимы для всей Европы.

— Андрей Иванович, — я хищно улыбнулся и подался вперед. — А ты мне на что? Самый гениальный интриган России — и не найдет изящных возможностей доказать дипломатам в Париже и Лондоне, что шведы — бесчестные злоумышленники и убийцы? Ни в жизнь не поверю. Твоя задача — легализовать эту версию на международной арене. Так что иди и доказывай. А что до силы Швеции. Выбить у них финнов и они сильно ослабнут.

— Буду думать и исполнять, Ваше Императорское Величество, — Остерман склонил голову, пряча в уголках губ

тонкую усмешку. Ему бросили вызов, достойный его изощренного ума.

Мы проговорили еще немало, обсуждая государственные дела. Ужин растянулся так надолго, что свечи в канделябрах успели оплыть наполовину. Выпив за вечер три чашки крепчайшего чая и еще две чашки черного, как деготь, кофе, я уже всерьез опасался, что до утра не сомкну глаз. Нервы звенели, как натянутые струны.

Слишком много кофеина и слишком много тяжелых впечатлений, которыми я всё ещё был переполнен после недавних жестоких казней. Запах крови и горелого мяса, казалось, въелся в самую подкладку моего камзола.

— Ваше Императорское Величество... Не желаете ли забыться в моих объятиях и ласках обо всех своих тревогах? — мягкий, воркующий голос Марии Дмитриевны раздался совсем рядом, едва за Остерманом и Посошковым закрылись тяжелые двери, и мы наконец-то остались наедине.

Ее прохладные ладони легли мне на плечи, массируя затекшие мышцы. Тонкий аромат ее духов мгновенно вытеснил из кабинета запахи сургуча, табака и старых бумаг.

Самое действенное лекарство...

С каким же удовольствием я поддавался на ласки своей любимой. Это же эйфория, когда не только одна река радости и счастья стремится насытить море, а еще и другие. Пришло к ночи извещение, реляция, по состоянию дел в Крыму.

А наутро Москва, которая еще со вчерашнего дня пребывала в некотором напряженном недоумении — переваривая кровавые казни и гадая, какие еще потрясения принесут действия молодого императора, — внезапно полыхнула праздничным огнем.

Я проснулся от того, что где-то вдалеке, над разрастающимся городом, ударил тяжелый колокол. К нему тут же присоединился второй, третий, и вот уже все сорок сороков московских церквей заливались радостным, ликующим звоном.

По улицам бежали люди. Они кричали о великой победе, о святой мести за набеги прошлых веков, о том, что справедливость наконец-то восторжествовала, и теперь-то уж точно каждому в мире понятно, что сам Господь Бог выступает на стороне России.

Едва открыв глаза, я прямо в постели перехватил из рук запыхавшегося, покрытого степной пылью курьера срочную реляцию с юга. Быстро сломав печать, я пробежал глазами неровные строчки.

Свершилось. Бахчисарай пал!

— Победа! – кричали одни.

— Виктория, – кричали иные.

— Там им людоловом, ответили за сожженную Москву, – восклицали хранители памяти предков, где войны с татарами были не менее запоминающимися, чем с Польшей.

Столица Крымского ханства была взята победоносными войсками генерала Ласси. Причем, как следовало из сухо-

го армейского доклада, сопротивляться русским штыкам в Крыму было просто больше некому. Регулярных сил у хана не осталось. А это значило, что теперь наши полки могли беспрепятственно заходить в любые городки и татарские поселения полуострова, беря ханство под полный, абсолютный контроль империи.

Но обывателю, ликующему сейчас на улицах, совершенно не обязательно знать, что победа досталась нам малой кровью и почти без сопротивления. Легкость обесценивает триумф. В глазах народа эта виктория должна выглядеть титаническим подвигом.

Я резко повернулся к кровати и стянул одеяло.

— Маша, просыпайся! Срочно одевайся и мчись на Печатный двор! — бросил я, быстро натягивая камзол.

Она заморгала, силясь прогнать остатки сладкого сна. Любила княжна понежиться в мягких пуховых перинах. В отличие от меня — за последнее время я приучил себя спать урывками, жестко ограничивая организм во сне, чтобы успевать управлять империей. Маша села на кровати, кутаясь в простыню, явно не сразу сообразив, о чем вообще идет речь.

Победоносная война на юге, блистательный марш-бросок, как — и вот результат. Я дал им не просто повод напиться. Это чувство абсолютного, божественного триумфа. Сейчас, глядя на меня снизу вверх, эти люди верили, что государь император Пётр Алексеевич воистину помазанник Божий, раз сумел сокрушить то, что не давалось ни Ивану Гроз-

ному, ни царевне Софье.

— Ваше Императорское Величество! — прокричал он, стараясь перекрыть колокольный звон и рев толпы. — Народ здравну чару за вас поднимает! Батюшкой-спасителем кличут! Великим!

— Раздайте еще бочки к Лобному месту! — крикнул я в ответ, не отрывая взгляда от площади. — И велите бросать в толпу медную монету. Гулять так гулять!

— А еще, Мария Дмитриевна, надиктуй им там мое личное воззвание к народу! — чеканя слова, распорядился я. — С высочайшими поздравлениями. Пиши крупно: вековой враг России повержен! Напиши, что мы сполна отомстили за слезы и кровь сотен тысяч православных полоняников, сгинувших в Крыму за прошедшие столетия! Хочу посмотреть, как у тебя выйдет.

— Выйдет, государь. В меня и войдет и выйдет, — рассмеялась она.

— Ты эту похабщину от меня не переходи.

— Не буду больше.

— И меньше не нужно. Собирайся!

Пока она торопливо собиралась, мой мозг уже работал на опережение. Нужно было устроить грандиозный праздник. Приказать выкатить на площади Москвы бочки с казенным пивом и хмельным медом. Народ должен не просто узнать о победе — он должен попробовать ее на вкус, захмелеть от нее. И, разумеется, связать это небывалое событие с именем

своего молодого императора. Пусть славят.

Это не просто тщеславие. Это холодный расчет. Если народ будет искренне любить и превозносить меня сейчас, то все те неизбежные потрясения, ломки вековых устоев и реформы, которые ждут Россию в ближайшее время — и без которых, я уверен, государству просто не выжить, — будут восприниматься ими совершенно иначе. Не как тирания, а как временные, необходимые трудности на тяжелом пути к Великому.

Русскому человеку жизненно необходимо давать Великую Надежду. Сверх-идею. Только тогда он поверит, что его пот и кровь льются не напрасно. Я уже понял главную тайну этой страны: Россия способна побеждать всё, преодолевать любую внутреннюю лень, косность, разруху и вековую апатию лишь в одном случае — когда она до краев наполнена яростной, праведной энергией созидания. Жаждой строительства того самого эфемерного «светлого будущего». И совершенно неважно, какими политическими лозунгами это будет прикрито, и какие чудовищные преграды встанут на пути. Ради Великой Мечты здесь готовы свернуть горы.

И у меня такая мечта есть.

Я хочу, чтобы Россия перестала уныло дышать в спину другим державам. Чтобы мы навсегда перестали раболепно преклоняться перед «западным гением», а наконец осознали собственную гениальность и мощь.

Я хочу, чтобы мои люди очнулись от позорного, откровен-

ного рабства, которым, по сути, является крепостное право. Но отменить его нужно хирургически точно — не бросая неразумных, привыкших к указке крестьян в пучину анархии, крови и экономического разорения по причине их невежества. Раз уж они сейчас не могут прожить без помещика-управленца, значит, систему нужно менять постепенно. Вытаскивать народ из-под векового ярма часть за частью, слой за слоем, давая образование и волю.

У меня есть мечта. Я хочу, чтобы в будущем одно только слово русского императора — да что там императора, простого русского посла! — значило в любой европейской столице так много, чтобы наши противники боялись даже пискнуть без высочайшего соизволения.

У меня есть мечта...

Я подошел к окну, за которым над древней Москвой плыл ликующий, многоголосый колокольный звон, и крепко сжал в руке крымскую реляцию.

И сегодня я сделал к этой мечте еще один огромный шаг. Но завтра нужно сделать больше.

Глава 2

Петергоф

1 сентября 1725 года

Я вернулся домой

И только сейчас, переступив порог, полной грудью вдохнув влажный балтийский ветер, смешанный с запахами натертого воском паркета и горящих свечей, я полноценно ощутил: мой дом — именно здесь.

И совершенно неважно, какие вокруг возвышаются стены, и даже балтийских запах не играет существенную роль. Неважно, что огромный парадный Зимний сменился на Летний, и что прямо сейчас императорская резиденция находится в Петергофе.

К слову, выглядел этот Петергоф совсем не так, каким я привык его видеть на открытках из своего будущего: никаких грандиозных ослепительных каскадов и золотой роскоши. Лишь скромный, почти аскетичный дворец да россыпь небольших уютных домиков у самой воды, в которых теснились все, кто не поместился в основной резиденции.

Разумеется, я мог бы мановением руки занять Ораниенбаум, отнятый у Меншикова. Там всё было выстроено куда помпезнее, с имперским размахом, да и роскошная парковая зона ничем не уступала петергофской. Но дело было совер-

шенно в другом.

Дом — это ведь не красивый дворец с лепниной. Это не идеальные газоны и не затерянная в глухом лесу охотничья заимка. Дом — это живое дыхание. Это люди, которые его населяют, которые наполняют пустоту стен смыслом и любовью. Для человека, облеченного абсолютной властью, любая резиденция легко становится клеткой. И не имеет значения, из чего выкованы прутья: из золота, меди или простого дерева — клетка всегда остается клеткой. А вот там, где среди водоворота интриг остается тихое, теплое место для меня самого, там, где я могу просто сидеть рядом со своими близкими — там и есть мой настоящий, выстраданный дом.

Ну и были иные причины, почему мне сейчас в Ораниенбаум мне нельзя. Пока нельзя. Да, признаться, и не хочется.

Я неслышно приоткрыл тяжелую дубовую дверь, стараясь не скрипнуть петлями, и замер на пороге, окунувшись в атмосферу разлитого по комнате семейного тепла.

В мягком, подрагивающем свете канделябров моя внучка, Наташенька Алексеевна, звонким, переливающимся колокольчиком голосом читала вслух. В руках она держала пахнущую свежей типографской краской книгу — пробное издание «Сказки о царе Салтане». Той самой сказки, которую я когда-то, вытаскивая из глубин памяти пушкинские строки, рассказывал на ночь, успокаивая наследника Российского престола, своего внука. Писари тогда едва успевали строчить за мной пером, пока я убаюкивал маленького наслед-

ника у его кровати.

Все сидели словно замороженные. Магия ритмичного, неведомого этому веку слога накрыла комнату с головой. Даже моя вечная непоседа, огневая Елизавета, замерла в кресле. Она чуть приоткрыла рот и слушала так жадно, с таким детским восторгом в глазах, словно ей было от силы лет десять.

Я смотрел на нее из полумрака прихожей, и сердце сжималось от щемящей, острой нежности. Лизавета... Дамочка-то моя уже на сносях, тяжелеет с каждым днем. Господи, знал бы кто, как я был счастлив, когда выяснилось, что она беременна!

В той, другой реальности, что я знал, у нее не было детей. То ли мужики попадались никчемные, не способные зачать дитё, то ли, наоборот, слишком много их было в ее бурной молодости. История стыдливо умалчивает о тех кустарных абортах, которые ей приходилось делать. А представить себе последствия таких процедур в этом веке, с его диким, мясницким уровнем медицины, было просто страшно.

А теперь вот она — сидит, поглаживает округлившийся живот. Живая, здоровая, носящая под сердцем новую жизнь. И лишь тихонько сокрушается, что муженек ее далеко, государевым делом занят.

А муж ее сейчас там, в степях, в поту и пыли рубит новые остроги. И не по одному лишь Изюмскому шляху, а сразу по трем направлениям, наглухо перекрывая укрепленными

фортециями всё Дикое поле, беря этот кровоточащий, опасный рубеж под стальной имперский контроль.

Иначе нельзя. Посылать туда крестьян на верную смерть от татарского аркана — преступно. Даже если на мгновение отбросить мораль и посмотреть на всё глазами циничного правителя: хороший крестьянин нынче — это самый ценный, стратегический ресурс. И пока у нас еще не сформировалось сословие крепких военных поселенцев-отставников, на которых я делал главную ставку, каждого мужика в тех местах нужно беречь как зеницу ока. Обеспечить всем: землей, плугом, мушкетом, лишь бы он вгрызался в эту благодатную целину, способную в будущем накормить хлебом всю Великую Империю.

— Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало! — весело, с озорной искрой выкрикнула Наташа последнюю строчку и захлопнула книгу.

Комната выдохнула. Все радостно рассмеялись, хлопая в ладоши, разрушая сказочное оцепенение.

— Батюшка! — первой заметив меня в дверях, воскликнула Аннушка. Ее глаза сияли. — Такие сказания нужно в печать пускать больше! Уж больно ладно у тебя эти сказки выходят!

Я улыбнулся ей в ответ, шагнув в свет свечей, но на душе скребанули кошки.

Моя умница Анна. Ее свадьбу мы всё откладываем и откладываем. Август уже стремительно клонится к закату, ко-

роткое северное лето уходит, обдавая стылыми ветрами, а она всё еще не замужем. И виной тому политика и кровь.

То подлое покушение на герцога Голштинского, случившееся после обнародования им о Союзе России и Голштинии, а фактически, что о вассалитете, не прошло для него даром. Какое-то время израненный жених отлеживался у себя в герцогстве, балансируя на грани жизни и смерти, затем тяжелым морским переходом через Киль добирался до Петербурга.

И только сейчас, находясь под круглосуточным, фанатичным надзором Блюментроста и его врачебной банды, герцог начал хоть немного розоветь и вставать на ноги.

Но всё решено — свадьбе быть. Уже через неделю, несмотря ни на что, мы ее сыграем. А пока Анна Петровна, стараясь казаться увлеченной чтением племянницы, бросала быстрые, жадные взгляды на сестру. Елизавета своей беременностью никак не выпячивала, не демонстрировала, но я, как отец, отчетливо читал по глазам старшей дочери: Анна отчаянно, по-женски завидовала этому тихому, зреющему внутри сестры материнскому счастью.

И тут уютную тишину дворцовых покоев разорвал истошный многоголосый ор.

Снаружи донеслись яростные крики дежурных офицеров, срывающих глотки в отдаче резких команд, следом послышался звон бьющегося стекла и глухой топот десятков кованых сапог. А затем...

— Бабах! — тяжелый, сотрясающий самые фундаменты дворца удар. Громыкнула крепостная пушка.

Все признаки того, что начался штурм Петергофа. Хотя что тут брать? Ни вала, ни стен, ни бойниц с пушками. Но, между тем, всяко же может быть.

Дети, ну и одна явно женщина, замужняя даже... Не перестаю удивляться, что Лизкин раньше Аннушки выскочила замуж и уже в тягости. Так вот, в комнате разом все ахнули и сжались в комочки. Они непроизвольно подались вперед, ко мне, словно я — большое, всесильное божество — мог прямо сейчас раскинуть руки, накрыть их невидимым щитом и спасти от любой надвигающейся беды.

И я ведь действительно мог. Но только не в этот раз.

Лицо мое мгновенно превратилось в каменную маску. Я резко, по-военному крутнулся на каблуках и вышел из покоев, бросив на ходу начальнику личного караула:

— Действовать по Первому плану!

Маховик завертелся. «Первый план» означал абсолютную, параноидальную жесткость протокола. Все гвардейцы, находившиеся во дворце и на прилегающей территории, не задействованные непосредственно в отражении атаки, были обязаны мгновенно забаррикадировать все входы и выходы, заняв огневые позиции у каждого окна.

Одновременно с этим вестовые уже неслись к берегу Финского залива, чтобы прыгнуть в легкие катера и на пределе человеческих сил идти на веслах в Кронштадт поднимать

тревогу флоту. Другая группа вестовых должна была немедленно прорваться сквозь кольцо оцепления в противоположную от Петергофа сторону — туда, в тайные лесные заимки, где их круглосуточно ждали оседланные кони, чтобы лететь карьером в Петербург за гвардейскими полками.

Я прекрасно понимал, что перестраховываюсь и дую на воду. Но отказываться от подобных... внезапных УЧЕНИЙ я не был намерен.

Моя жизнь и жизнь моей семьи — это ось, на которой сейчас держится вся Империя. Те, кто нас охраняет, обязаны быть профессионалами запредельного, немыслимого для этого века уровня. Такими псами, чтобы любые, даже самые изощренные поползновения врагов они щелкали как гнилые орехи.

По уставу я и сам должен был сейчас запереться во внутренних покоях, вооружившись до зубов: с двумя заряженными пистолетами и обнаженной шпагой, готовый дорого продать свою жизнь, если убийцы прорвут внешние кордоны. Но если правила написаны для всех одинаково, то император всё равно является исключением.

Я толкнул тяжелые двери и вышел на крыльцо, холодно оглядывая кипящий вокруг хаос.

— Степан, — усмехнулся я. — Не удалось добраться до меня и убить?

— Ваше величество... защищать вас легче, — он, отбиваясь, еще умудрялся и со мной разговаривать.

Гвардейцы посмотрели на меня, мол, что прикажу.

— Продолжайте! И посильнее там. Задача была Степе поставлена, он ее не выполнил. Бейте, но не убейте, — ответил я на невысказанный вопрос.

Зрелище было эпичным. Огромный бугай лежал на брусчатке с в кровь разбитым лицом. Сразу пять дюжих, отборных гренадеров из моей личной охраны и роты почетного караула, пыхтя и грязно ругаясь сквозь зубы, пытались заломать ему руки за спину, чтобы скрутить. Но этот медведь сопротивлялся, причем весьма успешно, играя мышцами так, что гвардейцы едва не разлетались в стороны.

Он получал удар за ударом, уже кровь хлестала из носа, кулаки разбил, но не сдавался.

— Степан, приказываю тебе сдаться, — громко, чеканя каждое слово, констатировал я, перекрывая шум. — Было бы это в реальных боевых условиях, думаю, получил бы ты прикладом фузеи в висок, и не один раз. А так ребята тебя еще пожалели.

Вдали, в сгущающихся сумерках парка — там, где в моем родном будущем будут шуметь стоянки для туристических автобусов и автомобилей — не стихали хлопки выстрелов и звуки лихой, злой рукопашной драки. Схватка шла на тяжелых деревянных саблях, но веселого в этом было мало: таким тренировочным клинком, если с оттягом огреть по голове, при особом желании можно легко проломить череп.

Да, такие предельно реалистичные маневры вполне мог-

ли унести одну-две жизни с обеих противоборствующих сторон. Издержки. Но я помнил другую историю. Когда в будущем гениальный Александр Васильевич Суворов начнет гонять свои войска сквозь строй подобных экзекуций, смертность на его учениях порой будет превышать потери в реальном бою, особенно если били неорганизованных турок. Мой принцип был выкован из той же стали: тяжело в учении — легко в бою.

Холодно оценив обстановку и убедившись, что защитный периметр функционирует, я повернулся к застывшему навытяжку адъютанту.

— Миниха и Матюшкина немедленно ко мне в кабинет! Игра сыграна.

Уже как неделю эти двое устроили настоящее соревнование не на жизнь, а на смерть. Хитрый лис Бурхард Миних играл за диверсантов: его задачей было всеми правдами и неправдами, используя внезапность, подкуп или прямой штурм, прорваться во дворец со стороны парковой зоны. А вот генерал Матюшкин со своими людьми должен был костями лечь, но этому прорыву воспрепятствовать.

При этом солдаты оставляли порох, даже штыки сдавали. Не все были предупреждены, только что объявлено, что возможно нападение. И вот... у самых дверей моего дома ловят Степана. А еще одна группа была, как я понял, условно ликвидирована и рассеяна выстрелами пушек.

Пора было подводить итоги их маленькой, но такой важ-

ной войны.

Эта изматывающая игра в кошки-мышки длилась уже целую неделю. И то, что Миних все-таки решился бросить свою диверсионную группу на штурм именно сегодня, было, пожалуй, шагом преждевременным. У него в запасе оставалось еще три полноценных дня, чтобы нащупать брешь в обороне, вымотать караулы ложными тревогами или как-то иначе раскачать бдительность охраны.

Но он не вытерпел.

Генерал-губернатор Петербурга Бурхард Кристоф фон Миних стоял передо мной в кабинете, сжимая эфес шпаги так, что побелели костяшки. Он был мрачнее свинцовой тучи. Миних и в лучшие дни не отличался особой словоохотливостью или светской коммуникабельностью — вечно сам себе на уме, закрытый, словно сейф. Но сейчас каждая черточка его жесткого лица буквально кричала об уязвленном самолюбии. Проиграть генералу Матюшкину он категорически не желал.

При всем своем холодном, математическом прагматизме этот упертый саксонец отчаянно рвался на настоящую войну. Сколько в этом порыве было тонкого карьерного расчета, а сколько — слепого, мужицкого желания всласть помахать шпагой и понюхать пороху? Загадка. Возможно, даже для самого Миниха. Но в одном он был, безусловно, прав: тот, кто одерживает громкие победы на поле боя, всегда въезжает в столицу на белом коне, увенчанный лаврами триумфатора.

А вот тот, кто планомерно, изо дня в день стирает себя в пыль на поприще развития столицы, преображая ее, делая поистине ослепительной жемчужиной не только России, но и всей Европы — этот каторжный труд не виден сразу. Он не блестит на солнце, как новенький орден.

Но он был виден мне.

То, что Миних сотворил с городом, поражало воображение. Практически за одно короткое лето с нуля организовать бесперебойное, массовое производство кирпича для нужд каменного строительства Петербурга — это уже тянуло на высшую государственную награду. Вычищенные, углубленные каналы, через которые теперь повсеместно были переброшены пусть пока временные, но на совесть сбитые деревянные мосты — его заслуга.

А набережная возле Зимнего дворца! Она прямо на глазах одевалась в строгий, хищный черный мрамор. Красиво, изящно и, как шептались при дворе, поразительно быстро — словно по мановению волшебной палочки.

Вот только я слишком хорошо знал истинную цену этому «волшебству». Она измерялась исключительным, маниакальным трудолюбием самого Миниха, его звериной хваткой организатора и жесточайшей, порой бесчеловечной требовательностью.

Именно поэтому я молча закрыл глаза на недавний инцидент, когда прямо на лесах насмерть забили кнутах главного подрядчика одной из артелей. Тот не только нагло сорвал

сроки, но еще и начал химичить с материалами, пытаюсь раздуть смету и украсть государевы деньги. Эта показательная, кровавая порка прилась как раз к месту: слух разлетелся по всем верфям и стройкам.

Теперь Петербург напоминал растревоженный муравейник. Везде копошились люди, везде стучали топоры, воздвигались стены и рылись каналы. Я лично утверждал каждый план развития столицы, но порой, проезжая сквозь лабиринты строительных лесов, мимо зияющих котлованов и циклопических гор материала, сам с трудом понимал, что к чему.

А Миних понимал каждую щепку.

— Господин генерал-губернатор, я всецело доволен вашими действиями. Во всем доволен, — нарушил я тяжелую тишину кабинета, веско чеканя слова и глядя прямо в колючие глаза саксонца. Мне было важно поддержать именно его.

Матюшкин же... Матюшкин — боевой генерал. К тому же он столько времени слушал мои личные, принесенные из будущего инструкции о том, как правильно выстраивать эшелонированную охрану первого лица, что исход был предрешен. Я не спец в этом вопросе, но тут, в начале XVIII века вовсе казалось поле непаханное и как охранять первое лицо, как осуществлять диверсии... все это понимали каждый по своему, без системы.

Но если бы Матюшкин сегодня облажался и допустил проникновение таких бугаев, как Степан или Корней, игравших на стороне диверсантов Миниха, во внутренние покои двор-

ца — я бы всерьез задумался, того ли человека я тяну наверх по Табели о рангах.

— Пожмите друг другу руки, господа, — властноскомандовал я, видя, как они сверлят друг друга взглядами. — Спасибо вам за то, что более чем достойно служите Отечеству на своих местах. Через десять дней жду вас обоих в приемном зале Летнего дворца. Для награждения.

Разбор полетов, впрочем, едва не закончился скандалом. Выйдя из оцепенения, Матюшкин с Минихом вцепились друг в друга, чуть ли не брызгая слюной, с жаром обвиняя оппонента в «нечестной игре» и нарушении неких дворянских правил.

Я прервал эту перепалку одним ударом кулака по столу. — От врага не стоит ждать честности, господа! — рявкнул я так, что звякнуло стекло в окнах. — Напротив. От врага следует ждать исключительно подлости! Зарубите это себе на носу.

Оставив притихших генералов осмысливать сказанное, я покинул кабинет и быстрым шагом направился на женскую половину. Туда, где за массивными дверями затаилась моя семья.

Что-то мне подсказывает, что внучок Петруша не удосужился сестрицам и теткам сообщить, что это все учения. Вот же... Как бы Лизе плохо не стало. Они же не знали, а наследник — был в курсе. Я вообще стараюсь делиться с ним многим. Пусть учится и на практике моего правления.

От автора:

Он все знал о кораблях и грезил морем, пока неизвестный не предложил ему пари и он оказался в теле Великого князя Константина. 1853 год. Война начинается. Пишется 10 том <https://author.today/work/333355>

Глава 3

Петергоф.

1 сентября 1725 года.

Едва я переступил порог комнаты, как на меня буквально налетел ураган.

— Дедушка! Да кто выиграл-то?! — с невероятным азартом, едва не прыгая на месте, встретил меня юный Наследник. — Тебя же ну убили?

Маленький Петр Алексеевич смотрел на меня снизу вверх широко распахнутыми глазами, в которых плескался чистый, незамутненный восторг мальчишки, услышавшего звуки настоящей битвы.

Глядя на его раскрасневшееся лицо, я почувствовал, как мгновенно испаряется ледяной панцирь императора, уступая место простой, щемящей теплоте. Я присел перед ним на корточки, забавляясь этой искренней детской непосредственностью.

— Генерал Матюшкин, — с мягкой улыбкой ответил я, потрепав внука по вихрастой голове. — Но поверь мне, Петруша, Миних держался очень стойко и дрался как лев. Если бы они сегодня поменялись местами и задачами... думаю, всё вышло бы с точностью до наоборот.

Как раз по коридору, живо обсуждая, видимо свое противостояние, удалялись генералы. Проводив их взглядом, я

повернулся к своему главному, самому драгоценному «озорнику».

Я смотрел на мальчишку, и на душе становилось удивительно легко. Как же он раскрылся за последнее время! Из забитого, вечно насупленного и угрюмого волчонка, каким он был еще недавно, мой внук превратился в живого, яркого, озорного и даже немного хулиганистого пацана. Именно таким, по моему твердому убеждению из прошлой жизни, и должен быть нормальный мальчишка.

Если я сейчас, ради государственных интересов, украду у него это простое, шумное детство, то бог его знает, какие еще психологические травмы в итоге вылезут в парне, помимо тех, что уже успели насадить.

Но дисциплину никто не отменял. Я напустил на себя строгий, непререкаемый вид.

— И тебе, Наталья Алексеевна, тебе пора возвращаться к урокам. И тебе, Наследник, надлежит науки постигать, — веско произнес я, нависнув над внуком. — И без того из-за этой беготни пропустил сегодня два занятия.

— Да, дедушка... — Петруша картинно вздохнул, шаркнул ножкой и хитро, с прищуром заглянул мне в глаза. — Но что со мной будет-то от пары пропусков?

— Я могу тебе совершенно точно сказать, чего *не* будет, если ты сейчас же не сядешь за книги, — парировал я, отчеканивая каждое слово.

— Не будет организована большая осенняя охота в новго-

родских лесах. И Антиоха Дмитриевича от тебя отважу, чтобы ты учился.

— Да, с чего, ваше величество? Он занятно рассказывает многое из наук. Хоть бы не скучно, — взмолился Петр.

— Вот и не подставляй своего наставника, — сказал я.

Не думал, что случится такой момент, что стану угрожать Петру тем, что уберу от него учителя. Присматриваюсь к Антиоху. И не потому, что он родной брат Маши. Скорее, что умница, недооцененная в иной реальности.

Да и как было оценить, если к власти пришла Екатерина, явно же ненавидящая и Марию Кантемир и все небольшое их семейство. Так что не было шанса возвысится и показаться во всей красе. А тут есть, да еще и какой.

— Ну так что? Охоту отменяем, господина Кантемир отправляем в ссылку? — усмехнулся я.

И попал в десятку. Моя краткая, но емкая мотивационная речь удалась буквально с первой фразы. Глаза мальчишки комично округлились, он сглотнул и, торопливо поклонившись, пулей вылетел из комнаты в сторону учебных классов.

Я лишь тихо усмехнулся ему вслед. Вот откуда у него такая генетическая, непреодолимая тяга к псовой охоте? И ладно бы он пристрастился к ней до того момента, как я вырвал его из старого окружения и приблизил к себе.

Так ведь нет! Раньше он сидел взаперти в душных теремах и с утра до ночи слушал ядовитые, крамольные речи замшелых бояр, которые целенаправленно сбивали парня с пути.

Они лепили из него слепое орудие. Петрушу готовили мне в противники. Вернее, даже не лично мне, а всему тому новому миру, всем тем грандиозным делам, которые сотворил настоящий Петр Великий.

Кстати, об учебе внука. Буквально вчера я подробнейшим образом изучал пространный — я бы даже сказал, написанный с немалым художественным вкусом — доклад о том, как продвигается обучение государя-наследника. Читая эти бумаги, я обратил внимание на несомненный литературный талант сочинителя. У меня даже мелькнула мысль: а не привлечь ли этого бойкого писаря, Аристарха, к новому делу? Пусть периодически пишет статьи на заданные темы в журнал, который я всерьез вознамерился учредить.

Так в целом отзывы о Петре изменились. Два месяца назад он еще был хулиганом несносным, сейчас учиться. И почему? Ну в том числе? А я в письме Лизу попросил, чтобы она подсобила. Ох, и нравится же она Петру. Как бы какого горя не вышло. Впрочем, она замужем, а это не абсолютные кандалы, но в некотором смысле путы, точно. Даже для Петра Алексеевича, мальчишки еще.

А Кантемир, как Машу, так и Аристарха буду все же привлекать к публицистике. Ведь в моем понимании из XXI века иметь на всю гигантскую страну одну-единственную, сухую и официальную газету «Санкт-Петербургские ведомости» — это не просто мало. Это катастрофически ничтожно для продвижения тех идей, которыми я собирался скрепить Импе-

рию.

К слову, мой недавний указ уже вступил в силу. Он позволял любым предприимчивым людям свободно открывать мануфактуры и предприятия (за строгим исключением всего, что касалось оборота алкоголя, работоторговли, а также с рядом жестких ограничений в сферах медицины и религии). И этот же указ негласно подразумевал: при наличии денег и желания любой купец или дворянин отныне может открыть частный журнал или газету.

Разумеется, они будут взяты под контроль Тайной канцелярии. С издателями проведут очень вежливые, но доходчивые профилактические беседы, чтобы они, не дай бог, не вздумали вредить государственным интересам.

Но в остальном — полная свобода! Хотите рассказывать про новые европейские рюшечки, крой платьев и театральные постановки, что будет безумно востребовано скучающими дамами? Пожалуйста! Хотите писать об устройстве ружей, породах гончих и правилах охоты для мужчин? Печатайте на здоровье! Но и обязательные пояснительные статьи о происходящем в мире и в России. Мне нужно было расшевелить это общество, заставить его читать и думать.

Мои размышления прервал легкий шорох шелка женских юбок.

— Батюшка, я, пожалуй, тоже отправлюсь, — Анна Петровна подошла ко мне, обдав тонким ароматом розовой воды, и тепло, по-дочерни нежно поцеловала в небритую ще-

ку. Ее глаза сияли предвкушением. — У меня назначен важный разговор с княжной Марией Дмитриевной Кантемир. Мы ведь еще до конца о свадебном платье не условились. А Машенька мне в том очень поможет — она на днях привезла совершенно изумительные, новейшие фасоны из самой Европы!

Она грациозно развернулась, собираясь упорхнуть за дверь.

— Сестрица, подожди! — вдруг раздался возмущенный возглас Елизаветы. — Как же такое великое дело — и без меня?! Да я с тобой после такого два дня разговаривать не стану!

С этими словами моя беременная дочь, Лизавета, которая еще минуту назад казалась тяжелой и утомленной непрекращающимся токсикозом, весьма бодро подхватила из кресла. Волшебная сила слов «выбор европейского наряда к свадьбе» была способна творить с этой женщиной абсолютные, антинаучные чудеса. Не без труда поддерживая живот, она устремила след за Анной.

Дверь закрылась. В покоях воцарилась звенящая, уютная тишина.

В какой-то момент я с легкой грустью осознал, что остался совершенно один. Вся моя большая, шумная семья разбрелась по своим делам.

Я подошел к окну, глядя на темнеющий парк. Возникло острое желание пригласить к себе Машу Кантемир — просто

посидеть рядом, помолчать, выпить чаю, чувствуя ее успокаивающее присутствие. Чтобы уже через час вызвать к себе писарей и продолжить работу, надиктовывать Устав университета.

Но я одернул себя: нельзя. Сейчас она плотно занята моими дочками, обсуждает с ними кружева и бархат.

Умница моя. Я невольно улыбнулся, вспоминая, сколько такта и женской мудрости ей потребовалось. Ведь поначалу и Анна, и Елизавета встретили новую папину фаворитку в глухие штыки, видя в ней угрозу памяти их матери. Но Маша не стала плести интриги. Своим мягким нравом, искренностью и безупречным вкусом она сумела найти к ним ключик. И теперь они щебечут над выкройками платьев, как лучшие подруги.

Дом. Мой настоящий дом. И я сделаю всё, чтобы никто и никогда не посмел его разрушить.

Глядя на закрывшуюся за дочерями дверь, я задумчиво потер подбородок. Если Мария Дмитриевна таким изящным, истинно византийским маневром подбирается к теме нашего возможного замужества, действуя через дочерей — что ж, она, безусловно, мудрая и дальновидная женщина.

Но не сказать, чтобы подобные методы мне сильно нравились. Как бы тонко ни плелись эти шелковые сети, любое давление вызывает у меня рефлекторное отторжение. Это решение — впустить кого-то в свою жизнь на равных правах — я должен принять исключительно сам. По собствен-

ной воле. Без хитростей и чужих сценариев.

— А я, батюшка, останусь с тобой, — вдруг раздался тихий, серебристый голосок.

Ко мне неслышно подошла Наташенька. Она доверчиво прижалась ко мне, обхватив тонкими ручками, и от этого простого, искреннего жеста в груди стало настолько невыносимо тепло и уютно, что я почувствовал, как по небритой щеке предательски скатывается горячая слеза.

Выжила. Выжила девчонка, кровинка моя!

До сих пор, вспоминая те страшные дни, я холодел. Никто не мог дать гарантий. Я сам не понимал, что именно ее спасло: то ли мои отчаянные попытки применить знания из будущего в этом веке мясников, то ли неустанные, исступленные молитвы, то ли невероятная жажда жизни в этом хрупком тельце. Но она вытащила свой счастливый билет. И теперь, слава богу, на ее личике начали проступать чуть заметные, робкие мазки розового румянца. Хотя она всё еще оставалась такой же прозрачной, невесомой худышкой, как и во время той проклятой болезни.

— Ну, раз они все разбежались по своим девичьим делам, то, выходит, тебе одной всё достанется... — ласково улыбнулся я, бережно, словно хрустальную вазу, усаживая дочку к себе на колени. — Готовься слушать от меня новую сказку.

Ее глазки радостно вспыхнули, но вдруг она нахмурила тонкие бровки и остановила меня жестом маленькой хозяйки.

— Подожди, батюшка! Надобно сперва кликнуть твоих писарей. Негоже, чтобы сказка эта не записанной осталась. А то потом осерчают на меня и сестрицы, и племянник мой, что я одна всё услышала, — совершенно деловитым, рас-судительным тоном, забавно контрастирующим с ее куколь-ным личиком, выдала Наташа.

Я рассмеялся, откинув голову.

— Распоряжайся, царевна! Как скажешь, так и будет!

— Ну какая же я, батюшка, царевна? — она поправила кружевной воротничок, смешно вздернув носик. — Я — Ве-ликая княжна.

Я заглянул в ее чистые, глубокие глаза, и улыбка моя стала мягкой, как воск.

— А для меня, девочка моя, ты даже не царевна. Для меня ты — самая что ни на есть императрица сердца моего.

Я отшутился, но голос мой дрогнул. В ответ на эти сло-ва она бросилась мне на шею с такими нежными, крепкими обнимашками, от которых прорвалась уже не одна слеза, а сразу несколько. Я прижал ее к себе, зарываясь лицом в пах-нувшие детским мылом и травами волосы.

Приятно, черт возьми. Ради таких мгновений и стоило ло-мать хребет самой Истории.

Кронштадт.

1 сентября 1725 года.

Ледяной балтийский ветер рвал полы тяжелого суконного

камзола, бросал в лицо мелкую соленую морось, но я даже не щурился.

С застывшим, строгим лицом, возвышаясь над толпой саванников, я стоял на помосте. Рядом со мной, вытянувшись в струну, затаив дыхание, стоял Наследник. Сегодня мы принимали экспериментальный шлюп.

Для непосвященного взгляда это был просто небольшой, хищно скроенный корабль. Но этот «малыш» был способен огрызаться так, что мало не покажется никому: на его борту щерились черными жерлами сразу шесть тяжелых карронад. А на носу и корме покоилась главная тайна Империи — два экспериментальных нарезных орудия. Созданные по принципу уже взятых нами на вооружение егерских штуцеров и продолговатых пуль к ним, эти пушки были способны посылать снаряды на немыслимую для этого времени дистанцию, да еще и со снайперской точностью.

Но главное инженерное чудо заключалось даже не в калибрах. Днище корабля тускло горело в пасмурном свете. Обшивка была выполнена из меди.

Сколько бы мои инженеры ни бились над чертежами, сколько бы копий ни сломали, пытаясь произвести максимальные расчеты прочности и плавучести, сколько бы гениальный, выписанный в Россию молодой Леонард Эйлер ни помогал им в сложнейших математических вычислениях — всё равно сейчас, в эти минуты, воздух можно было резать ножом от напряжения. Было чертовски волнительно.

Даже мне. Человеку, который доподлинно знает, что мы идем единственно верным технологическим путем. Человеку, который уверен, что по всем законам физики этот корабль уж точно не пойдет ко дну. Вот только взять и по щелчку пальцев выбросить из головы первобытные страхи и предрассудки было крайне сложно. Ибо с каждым вдохом балтийского ветра, с каждым прожитым здесь днем я всё больше становился живым, плотским человеком этого сурового времени, а не просто холодным наблюдателем из будущего.

Глухо, надрывно заскрипело дерево. Стапели начали двигаться.

Сотни рабочих, напрягая жилы до звона, на канатах толкали громаду корабля в углубленную часть рукотворного залива кронштадтской верфи. Мое сердце забилося где-то в горле, норовя выпрыгнуть наружу. Удивительно. В своей прошлой жизни я никогда не был заядлым «мореманом». Относился к кораблям с определенной прохладой и сугубо потребительски: ну да, никогда не страдал морской болезнью, любил при случае прокатиться на пароме где-нибудь в отпуске или выпить кофе на палубе прогулочного теплохода. Не более того.

Моя прошлая жизнь была другой. Скоротечной. Ритм того будущего был настолько молниеносным, парализующим по сравнению с тем монументальным временем, в котором я жил сейчас, что на вдумчивое созерцание просто не оставалось минут. Там всё решали самолеты: прыгнул в кресло, от-

крыл ноутбук, закрыл глаза — и ты на другом конце континента. И рейсы всегда подбирались так, чтобы ни дай бог не потерять лишнего часа на стыковке. Мы вечно куда-то неслись, не чувствуя веса земли под ногами.

А здесь... Здесь вес имело всё. Каждое бревно, каждый выкованный гвоздь, каждая пролитая капля пота.

С диким, первобытным скрежетом массивный корпус корабля начал неотвратимо скатываться вниз по смазанным направляющим. Мастеровые на пределе сил придерживали его на толстенных пеньковых канатах, стравливая их сантиметр за сантиметром, чтобы шлюп не разогналсЯ слишком быстро и борта не зачерпнули воду при ударе.

Секунды растянулись в вечность.

Удар! Тяжелая медь вспорола свинцовую гладь залива. Огромные, пенные крылья брызг разлетелись в разные стороны, окатив стоящих у воды людей холодной купелью.

Канаты обмякли. Корабль тяжело качнулся с борта на борт, словно принюхиваясь к своей новой стихии, выравнился... и замер, гордо покачиваясь на волнах.

Он был на воде. Он держал удар.

Ведущий корабел, недавно произведенный в капитан-командоры, Федосей Склеяев стоял на борту вместе со всей своей командой, которая и занималась постройкой этого экспериментального шлюпа. Вцепившись одной рукой в поручни капитанского мостика до побеления костяшек, а другой иступленно, размашисто крестясь, Склеяев шумно, со свистом

выдохнул лишь в тот момент, когда понял: корабль не идет ко дну.

И как только к нему пришло ясное осознание того, что шлюп уверенно держится на воде, даже не достигнув расчетной ватерлинии (хотя инженеры предполагали, что под тяжестью металла осадка будет глубже как минимум на аршин), палуба ожила. Подмастерья Склеяева, словно деловитые муравьи, брызнули в разные стороны. Они рассыпались по кораблю, ныряя в трюмы, лихорадочно проверяя, нет ли течи, замеряя осадку и на ходу строча пометки в свои пухлые рабочие гроссбухи.

Я тяжело шагнул к самому краю влажного пирса. Адъютант тут же почтительно подал мне тяжелую бутылку французского шампанского, за горлышко привязанную длинным тросом к мачте шлюпа. Перехватив ее поудобнее, я размахнулся и со всей силой, какая только была в моих руках, швырнул бутылку в борт корабля.

Стекло со звонким хрустом разлетелось вдребезги. Кипенно-белая пена благородного вина зашипела, стекая по тускло мерцающей медной обшивке.

И тут верфь взорвалась. Нет, это не был взрыв, спровоцированный порохом, но эмоции хлынули наружу.

Раздался оглушительный рев. Аплодисменты, ликующие выкрики офицеров смешались со свистом. Простые мужики-рабочие, стоявшие плотной стеной позади, срывали с голов мокрые шапки и с восторженным матом швыряли их в

серое балтийское небо. Мы это сделали.

Но я понимал: это лишь начало адской работы. Новую технологию мы сейчас только нащупывали, пробовали на зуб. Теперь этому шлюпу предстояло идти от Кронштадта к Петропавловской крепости — туда, где мы прямо сейчас, вгрызаясь в дно, отчаянно пытались углубить фарватер. Затем начнутся жесткие ходовые испытания: короткие выходы на день-два, учебные артиллерийские стрельбы, возвращение в сухой док Кронштадта, дотошная проверка каждого дюйма медной обшивки на предмет повреждений. Если выдержит — корабль пойдет в штормовую Балтику, до самой Риги, вернется, и мы вновь будем смотреть... А там, глядишь, и короткий период северной навигации подойдет к концу.

— Вот, Ричард... Да и ты, Осип, крепко думайте. Думайте, как на те линейные корабли, которые вы скоро казне сдавать будете, такую же медную обшивку ставить, — не оборачиваясь, бросил я стоявшим неподалеку ведущим корабелям Империи: британцу Ричарду Броуну и Осипу Наю.

— Будем смотреть, государь, — осторожно, с сильным акцентом отозвался Ричард, потирая подбородок.

— А ты не только смотри, англичанин. Ты делай! — жестко отрезал я, поворачиваясь к нему и сверля его тяжелым взглядом. — Хватит с нас того, что из-за вашей спешки корабли через пару лет насквозь гниют! Всё из-за того, что сырое, недосушенное дерево в набор пускаете.

— Государь... — Броун упрямо набычился, защищая свою

честь. — Вот когда дойдет до нас сухой, выдержанный лес от Брянска да из Казани, вот тогда и можно будет говорить...

— А ты мне не перечь! — рыкнул я, обрывая его на полуслове. — Корабль с моим именем когда достроишь? Его, почитай, уже перестраивать пора, а не на воду спускать! И вот еще что... Крепко подумай: а нужно ли нам на этот флагман волочь сто старых пушек? Если с теми же боевыми задачами теперь легко справятся и восемьдесят шесть орудий, но совершенно другого, нового типа?

Закончив отчитывать корабеля, я всё же смягчился. Сделал шаг вперед и по-отечески, тяжело похлопал растерянного англичанина по плечу — пусть знает, что государь гневается, но ценит.

Затем я отвернулся, взял за теплую ладошку притихшего внука и, тяжело опираясь на массивную трость, медленно пошел прочь от пирса. Холодный, пронизывающий ветер сделал свое дело, и сегодня не на шутку прихватило поясницу, напоминая о возрасте этого тела.

Мы направлялись к раскинутым шатрам, где уже гремела посуда и накрывались столы для праздничного пира. Я терпеть не мог эти пьяные, шумные застолья. Но такова доля правителя: иногда нужно просто стиснуть зубы и выдерживать этот ритуал до конца, чтобы явить свою монаршую благосклонность людям, которые своими мозолистыми руками коуют будущее великой Империи.

От автора:

НОВИНКА! Снайпер из нашего времени приходит в себя в сентябре 1942-го в теле молодого красноармейца, которого отправляют в Сталинград. Вокруг самое пекло войны. Снайпер превращает сталинградские развалины в смертельную ловушку для нацистов. Враги зовут его Призраком Сталинграда. Чтобы уничтожить Призрака, в город прибывает группа из лучших снайперов вермахта. **ЧИТАТЬ:** <https://author.today/reader/601543>

Глава 4

Петербург

14 сентября 1725 года

Я откинулся на высокую спинку кресла и бросил на дубовый стол тяжелую стопку бумаг. Сводные ведомости. Итог масштабной аудиторской проверки, вытянувшей из меня уйму нервов. Но это была приятная усталость, какая может быть после того, как выполнишь действительно сложную работу. И когда вначале выполнения этой работы казалось, что не факт, что получится.

Пришли сообщения от губернаторов, частью и от ревизоров сведения приходили. От купцов собирались данные, от военных даже. Все это было огромным пластом информации, которая скоро будет направлена в создаваемый Государственный Императорский Архив. Пусть меня еще одним добрым словом вспомнят историки из будущего. Для них работы уже немерено, а будет больше.

В кабинете пахло сургучом и стильной невской водой из приоткрытого окна. Могло бы и табаком, но я не курил и при мне уже не курили. Может не так эта зараза в России распространяться будет. Тоже польза. Я поднялся, заложил руки за спину и прошелся по скрипучему паркету, раскладывая в голове полученные цифры по полочкам.

Вывод напрашивался неутешительный. Как ни крути, а выходило, что мой «реципиент» — настоящий Петр Великий — население страны всё-таки сократил. И сократил значительно. Северная война, работа в болотах Петербурга, каналы и верфи сожрали людей больше, чем чума. Ну и рекруты, конечно.

Сведения пришли и от донских казаков, примерные и от яицких. Много к ним сбежало людишек. Очень много. И это те, кто перестал быть налоговым резидентом. Но была надежда, что старообрядцы выйдут из тени, а их “теневых” до одного миллиона, и тогда покроется эта убыль населения. Ну и переселенцы и нужно в экономику постепенно, но постоянно, вовлекать и степняков.

Так что проблемы есть и большие, но тот случай, когда имеются сложные, но решения. Работать засучив рукава и все будет.

На этот раз к подсчету статистики мы подошли не с парадного входа, а с черного. Использовали косвенные методы. Считали не только по сказкам губернаторов, но даже по мельницам: брали объем вырабатываемой муки и высчитывали, сколько ртов в трех близлежащих селах эта мельница может прокормить.

Но главным прорывом стали церковные данные — метрические книги и исповедные росписи. Раньше этот важнейший источник при ревизиях почему-то игнорировался. Возможно, попы просто саботировали работу светских чинов-

ников. Зато теперь они вдруг начали помогать, да так бойко, что перья скрипели.

Ларчик открывался просто: Феофан Прокопович, верный рупор моих реформ, начал жестко выстраивать свою команду. Выражаясь языком моего родного времени, сейчас в Синоде и епархиях шла серьезная кадровая чистка. А священнослужителям ничто человеческое не чуждо: всем хочется возвыситься. Или хотя бы остаться при своих. Но архиепископ спит и видит себя митрополитом, простой епископ бьется за богатую кафедру с большим числом приходов. И Феофан этим карьеризмом виртуозно дирижирует.

Да, Тайная канцелярия тоже не дремлет, приглядывая за самим Феофаном, но пока крамолы за ним не водятся. Есть у него свои слабости, своя «нравственность», но без жесткой хватки его просто сожрут другие владыки. Особенно после того, как мы разгромили церковную оппозицию, пойдя на открытый конфликт.

Я остановился у окна и снова посмотрел на стол. Сведя воедино муку, росписи попов и отчеты фискалов, я получил реальную цифру. Пятнадцать миллионов семьсот пятьдесят тысяч человек. Мало. Катастрофически мало для такой империи.

Но главная проблема была даже не в этом. Мужская часть этого населения, облагаемая налогом, в ведомостях категорически не билась с реальными сборами подушной подати.

Я резко обернулся. В углу кабинета, замерев серой тенью,

сидел Андрей Иванович Остерман.

— Что это? — спросил я, подойдя к столу и с силой ткнув пальцем в итоговые цифры. Я смотрел на вице-канцлера тяжело, в упор, словно котенка макал носом в ту субстанцию, которая должна быть в лотке, а не в тапке.

Остерман только чуть повел бровью. Лицо — непроницаемая маска. У него, как и у других министров, было достаточно времени не просто ознакомиться с моей пространной аналитической запиской по итогам аудита, но и вызубрить ее наизусть.

— Ваше императорское величество, — голос Андрея Ивановича звучал мягко, почти вкрадчиво. — Об этом уже докладывали. Сборы подушной подати по губерниям на данный момент составляют не более сорока долей от положенного. Чаще меньше.

— А ты не перекладывай с больной головы на здоровую, Андрей Иванович! — оборвал я его, опираясь костяшками пальцев о столешницу. — Губернаторы у вас во всем виноваты? Нет, не только они. Всё положение дел в моей империи прямо сейчас основано на тотальной лжи и приукрашивании! Если подушная подать в казну не собирается, значит, с этим нужно что-то делать.

Этот разговор мы заводили уже не в первый раз. Я прекрасно понимал механику процесса. Я знал, *почему* подать не собирается в полном объеме, и знал, *чем* хитрые губернаторы перекрывают перед столицей эти огромные недоимки.

Жить-то им хочется. Никто не желает повторить участь сибирского губернатора Гагарина, которого мой предшественник вздернул на виселице за казнокрадство.

Поэтому на местах крутились как ужи на сковородке. Где-то втихую завышали сборы с питейных заведений и кабаков. Где-то драли с инородцев двойной ясак пушниной, выжимая местное население досуха. И всё это ради того, чтобы не только набить собственный карман, но и наскрести хотя бы половину от требуемой подати, отправив ее в Петербург красивым отчетом. Система гнила, и этот гнойник нужно было вскрывать.

Самое поразительное в этой гнилой арифметике заключалось в другом. Оказывается, в сенате негласно считалось: если губернатор сумел собрать хотя бы половину положенного налога — он уже молодец. Крепкий хозяйственник. Значит, как-то выкрутился, заткнул дыры, а остальное — ну, дело житейское. Очковтирательство вместо эффективного администрирования.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает тяжелая, душная ярость — наследие темперамента Петра. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

— Твои предложения?! — жестко бросил я, чувствуя, что теряю самообладание. Моя рука дернулась. Мне до одури захотелось отвесить полновесную, мужицкую оплеуху по этой хитрой, невозмутимой физиономии.

Остерман даже не моргнул. Привык уже? Давно по мор-

дасам не отхватывал? Исправим.

— Убрать подушный налог, ваше императорское величество, — спокойно, как о погоде, произнес вице-канцлер. — И вернуть подворное обложение. Платить не с души, а со двора.

Я перевел тяжелый взгляд на Бестужева.

— А ты что скажешь, Алексей Петрович? Бестужев благоразумно потупил глаза, разглядывая носки своих башмаков с серебряными пряжками. Понимал, старый лис, что в воздухе пахнет грозой и тяжелой дубинкой. — У ляхов при подворном сборе таких недоимок, как правило, не водится, государь, — осторожно выдохнул он.

Я медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Обошел стол и остановился напротив них. — Я на кой ляд вас здесь держу? — спросил я тихо. Очень спокойно.

Эта тишина удивила их куда больше, чем если бы я начал крушить мебель. Да я и сам себе удивился. Просто в эту секунду внутри меня окончательно проснулся тот самый циничный, въедливый аудитор из двадцать первого века, который уже больше полугода обживал это царственное тело. И этот аудитор сейчас радовался. Я нащупал опухоль. Проблема была вскрыта, оцифрована и лежала передо мной на столе. А если проблема ясна — решение обязательно найдется.

Вот только менять подушную подать на подворную, как у поляков, я категорически не собирался. Мы это уже проходили до реформ Петра: введи налог на двор — и крестьяне

тут же начнут хитрить, сгоняя по три-четыре семьи за один забор. Тот же хрен, только вид сбоку. Налогооблагаемая база снова рухнет.

Я заложил руки за спину и начал медленно мерить шагами кабинет. Министры следили за мной, как мыши за котом. — Подумайте вот о чем, — произнес я, чеканя слова. — Что, если брать подать не с мертвой или беглой души, и не с деревянного забора? Что, если брать налог с обрабатываемой земли? С десятины.

Остерман нахмурился. Его аналитический ум тут же начал искать изъяны. — Земля-то разная бывает, государь. То, что для мужика под Новгородом — голый песок, не родящий хлеба, то для мужика под Тулой — тучный чернозем. Разная история выйдет. Справедливости не сыскать.

— Верно, Андрей Иванович, — кивнул я. Эта мысль пришла ко мне не сейчас, я обдумывал ее долгими бессонными ночами. — Земля разная. Потому и налог должен быть разным.

Я подошел к доске и взял кусок мела. Нужно было сделать систему гибкой, но предельно понятной.

— Мы разделим всю пахотную землю империи на категории. На ранги, — я быстро начертил на доске четыре колонки. — По моей задумке их будет четыре. Первый ранг — лучшие, плодородные черноземы юга. С них налог берется по высшей ставке. Урожаи там такие, что крестьянин подать выплатит исправно и сам внакладе не останется.

Мел стучал и скрипел по доске в повисшей тишине.

— Далее — промежуточные категории, по убыванию качества грунта. Четвертый ранг — это суглинки и пески. Земля, почти непригодная для хлеба, но годная под другие хозяйственные нужды. Под репу, капусту или ту же картошку, которую мы сейчас внедряем.

Я отряхнул пальцы от меловой пыли и повернулся к министрам. — Сейчас крестьянин под Белгородом на жирном черноземе и крестьянин на Ижорских болотах под Петербургом платят одинаково. Это абсурд. Северные земли нельзя судить по меркам житницы. Моя система хороша всем, кроме одного...

Я замолчал, глядя в окно на серую Неву. Я прекрасно видел уязвимое место своего плана. Как только мы введем ранги, возникнет колоссальная возможность для коррупции. А главное — в стране катастрофически не хватало обученных людей, геодезистов и счетоводов, способных сложить дважды два и правильно обмерить наделы.

— Нам нужно выстроить всё так, чтобы и крестьянину, и помещику было выгодно брать в оборот как можно больше пустошей, — продолжил я, возвращаясь к столу. — Для этого необходим жесткий реестр. Кадастр всех земель империи. Я должен точно знать, где у нас чернозем, а где глина. Я оперся руками о стол и жестко посмотрел в глаза Остерману. — Иначе, Андрей Иванович, наши с вами хитрые губернаторы завтра же запишут все тульские и рязанские черноземы

в бесплодные пески. И в бумагах выйдет так, что в России вообще негде сеять. Сделают всё, чтобы платить с десятины не четыре копейки, а две. Эту лавочку я прикрою. Готовьте указ о создании землемерных комиссий. Мы пересчитаем каждый клочок русской земли.

— Сколько же это работы, государь... — Остерман сокрушенно помотал головой, представив масштабы. Переписать каждую десятину в огромной империи казалось задачей невыполнимой. — Нужен реестр. Кадастр, Андрей Иванович. Эту работу необходимо проверить за три-четыре года, — отрезал я. — И по мере готовности списков вводить новое поземельное уложение о податях по губерниям. А пока реестр не составлен, я не вижу никаких других возможностей, кроме как на один год перестать собирать подушную подать вообще.

Сидевший в кресле у окна Иван Тихонович Посошков — наш главный теоретик-экономист — при этих словах аж открыл от негодования рот. Он судорожно схватился за грудь, и я на секунду испугался, что старика прямо сейчас хватит апоплексический удар.

Его можно было понять. Из всех государственных доходов больше половины давала именно подушная подать. На втором месте прочно сидели откупные за производство и продажу хмельных напитков — «кабацкие деньги». И это был страшный показатель. Выходило, что немалая часть населения империи прямо сейчас отчаянно спивается только ради

того, чтобы государственная роспись — наш бюджет — сводилась без дефицита.

Я отвернулся от министров, подошел к стене, где висела огромная карта южных рубежей, и задумчиво провел пальцем по линии Дикого поля. — Далее. Повелеваю: по возвращению основных армейских частей из Крымского похода, выбрать отличившихся солдат и унтер-офицеров и дать им чистую отставку. Уволить из армии с почетом.

Это требование, на удивление, не вызвало в кабинете бурных пререканий. Военную реформу мы обсуждали в узком кругу уже не один месяц. Мои министры понимали, к чему я клоню: мы создавали с нуля целую социальную группу. Новое подсословие бывших служивых, свободных людей с оружием и землей на границе.

— Государь, не ослабит ли это нашу армию накануне новых кампаний? — всё же закономерно усомнился Остерман, прищурившись. — А для того, Андрей Иванович, нужно дать строжайшее указание полковым командирам: выбирать тех, кто в годах, но еще крепок. Тех, кто еще способен бабу в постели порадовать, ребенка зачать да крепкий дом своими руками поставить, — я обернулся и посмотрел на вице-канцлера.

— Костяк армии — это мужики в самом соку, отслужившие лет пять-семь. До этого срока они толком воевать не умеют, пороху не нюхали. А вот после десяти-пятнадцати лет непрерывных походов солдат превращается в руину. Бо-

лезни, цинга, ревматизм от сырых окопов, плохо сросшиеся кости. Идти в штыковую из них уже никакие.

Я не столько объяснял это министрам, сколько размышлял вслух, выстраивая логику. Если бы не острая необходимость держать штыки наготове, я бы демобилизовал куда больше людей. А так — выходила скорее идеологическая акция, демонстрация царской милости.

Из армии выйдут в лучшем случае несколько тысяч человек. Но выйдут не с пустыми руками, нищими калеками, а с колоссальным государственным «подъемным» капиталом. Рядовому по моему указу полагалось 65 рублей. Сумма по нынешним временам астрономическая. А сержант за безупречную службу и выход на землю получал целых 170 рублей.

На эти деньги бывший солдат в столицах, конечно, не зашикует, но на юге — купит стройматериалы на крепкий пятистенки, а то и сам построится. Сможет справиться хорошую одежду, взять корову, несколько коз, пару свиней, десятка два кур для расплода. Плюс от казны каждому отставнику полагался щедрый подарок — тяжелый плуг с настоящим железным лемехом.

Оставался только вопрос тягловой силы. С конями всё было непросто. Я рассчитывал, что в Крыму нашим войскам удастся взять богатый полон — не менее двухсот тысяч татарских лошадей. Но насколько эти легкие степные скакуны-аргамаки да ногайские лошадки пригодны для тяжелой

сельскохозяйственной работы? Для крестьянского выживания?

Я снова посмотрел на карту, на бескрайние просторы южных степей. В принципе, татарского коня можно приучить ходить в плуге. Вопрос в другом. Жирную, слежавшуюся веками черноземную земельку Дикого поля такая лошадка в одиночку не потянет. Да и паре степных коней тащить железный сабан сквозь переплетенные корни ковыля будет мучительно тяжело. Чтобы поднимать такую вековую целину, нужны не скакуны. Тут нужна пара мощных, круторогих волов. И этот вопрос государству тоже придется как-то решать.

Я снова посмотрел на разложенные по столу ведомости. Сквозь сухие столбцы цифр отчетливо проступала карта потенциальных пожаров. Некоторые регионы империи были просто взрывоопасными. Взять то же Нижнее Поволжье или бескрайние степи южного Урала и Сибири. Да, на данный момент нам удалось замириться с башкирскими тарханами и договориться с калмыками, так что в ближайшие месяцы масштабных бунтов оттуда можно не ждать. Но это была лишь отсрочка.

— Господа, мы должны смотреть правде в глаза, — я обвел взглядом министров. — На юге и на Урале почти нет русского поместного дворянства. А ведь именно дворянские усадьбы — это становой хребет и опора нашего трона на местах. Случись там серьезный бунт инородцев — на кого нам рассчитывать? На армию? Мы не можем бесконечно дисло-

цировать там десятки регулярных полков.

Остерман и Бестужев молча кивнули. Они это прекрасно понимали. Содержание одного линейного полка где-нибудь в оренбургских степях обходится казне вдвое дороже, чем дислокация такого же полка в европейской части России. Снабжение растянуто, дороги чудовищны. И чем хуже становится логистика, тем быстрее растет ненависть местного населения к русским гарнизонам. Причина банальна: командиры не допустят, чтобы их солдаты пухли с голода. А наличие в руках ружья и примкнутого штыка очень быстро превращает реквизицию провианта в обыкновенный грабеж и мародерство.

— Ладно, подробнее об этом после обеда. Распорядитесь, чтобы к моему возвращению на столе лежала большая подробная карта империи, — подытожил я, отходя от окна. — Мы детально определим те уезды, куда начнем заселять наших ветеранов-отставников. После этого канцелярия подготовит именные рескрипты губернаторам этих земель.

Это, конечно, была не совсем царская работа. Можно было бы скинуть всю эту рутину на того же Остермана. Но я хотел, чтобы первая волна демобилизации и расселения прошла под моим жестким личным контролем. Во-первых, одно только упоминание моего имени способно заставить ленивых губернаторов оторвать седалища от бархатных кресел и начать работать. Во-вторых, мне нужно было, чтобы мои министры окончательно уяснили: расселение солдат не мо-

жет быть хаотичным.

Это был тончайший социально-политический инструмент. И пользоваться им следовало ювелирно.

У меня были свои, скрытые резоны, озвучивать которые вслух я пока не собирался. Чтобы Россия могла рвануть в промышленный век, мне необходимо в будущем переломить хребет крепостному праву. Сейчас всем помещикам империи оно кажется абсолютным благом и основой мироздания. Забери у них рабов — они меня завтра же табакеркой в висок ударят или шарфом задушат. Чтобы пойти против элиты, государю нужна альтернативная опора. Сила, способная одним своим существованием изменить баланс.

Моя цель — чтобы лет через двадцать хотя бы пять-шесть процентов мужского населения страны составляли отставники и их потомки. Класс крепких, лично свободных, вооруженных и лояльных короне мелких землевладельцев. Если они пустят корни, то в случае дворянского мятежа грудью встанут на защиту империи и императора, давшего им землю и волю. По сути, я запускал столыпинскую аграрную реформу на два века раньше срока. Да, в мое время она была реализована коряво, но сама идея создать класс фермеров, которым есть что терять — абсолютно гениальна и жизненна.

Часом позже я вошел в просторный зал заседаний Государственного совета.

— Ну что, господа, послушаем османского посланника? — произнес я, тяжело опускаясь в кресло во главе длинного

стола.

От автора:

История попаданца в наполеоновскую эпоху, от самодельной лупы до первого в России оптического прицела. От беглого подмастерья до поставщика Двора ЕИВ.

<https://author.today/reader/486964/4626117>

Глава 5

Петербург

14 сентября 1725 года

Сперва в тронный зал — скромный и, я бы даже сказал, по-спартански убогий в сравнении с тем ослепительным великолепием, каким он мог бы обрести в иной реальности при Екатерине II, — чеканным шагом вошел Мориц Августович Саксонский.

Этот породистый паразит, зять ни дать ни взять, всё-таки нашел изящную возможность увильнуть от порученных ему пыльных инженерных работ. Накануне мне на стол уже лег подробный доклад: крепости и редуты строятся. В кои-то веки всё возводится в надлежащем виде, ну как было написано. Когда казна исправно выделяет деньги, а главное — когда за воровство нещадно бьют по рукам и рубят головы, отчего бы не строить?

Тем более сейчас, когда внушительные контингенты русских войск и наши союзники утюжат Дикое поле с таким методичным азартом, что разрозненным партизанским отрядам крымских татар ничего не остается, кроме как бросать кочевья и спешно уходить на запад и южнее, под спасительную длань султана.

Но теперь у Саксонского появилось новое, куда более де-

ликатное поручение. Ему надлежало конвоировать турецкую делегацию, которая до этого бестолково металась по всему Северному Причерноморью в поисках того, с кем вообще можно вести диалог.

Послание, предложение временно замириться, султану в Стамбул мы отправили, а вот дипломатов для разъяснений на местах я намеренно не оставил. Бегать по степям за боевым генералом Ласси, который по-хозяйски обосновался в Бахчисарае, османы отказались. Да и в целом вести переговоры в захваченном бахчисарайском Ханском дворце, где сейчас находился штаб Крымской армии, оказалось для турецкой гордости совершенно неприемлемым. Ведь сам факт официальной встречи в столице Крымского ханства с русскими автоматически подтверждал бы полную потерю его суверенитета.

Конечно, тянуться в холодный, продуваемый ветрами Петербург туркам хотелось и того меньше. Но что им оставалось? Приходили сведения и от агентуры Неплюева и от других, что не готовы османы к масштабной войне с нами. Им еще с персами замириться нужно.

Так что приезд османского посланника был важнейшим маркером. Они вознамерились вести переговоры исключительно ради того, чтобы выиграть время, связать нам руки и не дать прямо сейчас ударить на Константинополь. В Блистательной Порте явно трезво оценили баланс сил: на волне небывалого подъема и сокрушительных побед над татарами

наши полки вполне могли погнать к Босфору и самих турок.

Признаться, и в нашем генералитете царили схожие, весьма горячие настроения. Михаил Михайлович Голицын, министр военных дел, был ярым, как сказали бы в будущем, ястреб, желал войны.

Многие считали, что мы действуем преступно медленно и упускаем идеальный момент. Поэтому я долго и мучительно взвешивал варианты, досуха выжимая свои аналитические способности: всё ли я делаю правильно? Стоит ли откладывать решающий бросок на год, или нужно бить прямо сейчас, собрав в кулак все имеющиеся силы?

Нет. Нам жизненно необходим этот год. В идеале — даже два. Туркам, конечно, нельзя давать опомниться, но за год они вряд ли сумеют кардинально перестроить свою армию. Даже согласование с французами, своими тайными союзниками, заняло бы времени больше года, а о подготовки войск с новыми французскими карабинами, и того больше. А вот мы — сумеем. Костью ляжем, но сделаем нашу армию еще более эффективной.

Новая кампания потребует ошеломить противника невиданным доселе оружием, которым должны быть плотно насыщены передовые части русской армии. Параллельно нужно закрыть вопрос с Великим Ираном — как предпочитают величать себя сами персы, хотя для остального просвещенного мира они всё еще остаются Персией.

Кроме того, я как воздуха ждал вестей от Меншикова.

Нам была критически необходима успешная показательная акция в Средней Азии. Только так мы получим рычаг давления на персов, чтобы те с перепугу не бросились под вассальную зависимость от Османской империи.

Да, персы сейчас уже не те бойцы. До прихода к власти действительно жесткого и деятельного падишаха Надир-шаха у нас еще есть окно возможностей. Да и придет ли он к власти в этой реальности? Теперь это будет напрямую зависеть от его лояльности мне лично и Российской империи в целом.

Между тем персы, хоть и трещали по швам, проигрывая османам войну, но всё еще держались. Они, словно вязкая глина, оттягивали на свои фронты значительные турецкие силы. В этой Большой Игре тот, кто, образно говоря, первым «женится» на Персии, получит на руки сильнейший козырь и контроль над всем регионом. И я твердо намеревался заключить этот геополитический брак раньше, чем Стамбул окончательно поглотит слабеющего соседа.

Если экспедиция Меншикова увенчается успехом и среднеазиатские ханства, Хива, будут покорены Россией, на персов начнет давить еще и эта новая угроза — нависающая сверху, с северо-востока. Оказавшись меж двух огней, они неизбежно качнутся в нашу сторону. Ну а я, в свою очередь, предложу им ровно столько автономии, чтобы этот союз показался персидской знати спасительным благом, а не оккупацией.

Мой зять, изящно звякнув шпорами, отвесил по-европейски выверенный поклон и сухо, по-военному, начал доклад: — Как и было велено Вашим Величеством, турецкую делегацию нарочито медленно везли через самые крупные города. Мы устроили им настоящий театр: всячески показывали такое скопление войск, от которого у них в глазах рябило. Порой доходило до смешного: один и тот же полк драгун, едва скрывшись за лесом, спешно переоблачался в другие мундиры, менял плюмажи и уже через пару часов маршировал навстречу османам как свежий гренадерский батальон. Провезли их и через Москву, дав в полной мере ощутить, насколько это бескрайний и тяжеловесный город.

Да, идея этой затяжной экскурсии была предельно ясна: до икоты напугать турок концентрацией огромного русского войска. Пусть эти силы не стояли прямо на границах с Османской империей, но их пугающая близость должна была отрезвить горячие головы в Стамбуле.

Мы демонстрировали им не только мундиры, но и бесконечный, неисчерпаемый мобилизационный ресурс империи. Конечно, мы прекрасно понимали: сделай турки шаг вправо или влево от наезженного Московского тракта — и взору откроется совсем иная картина с редкими нищими деревеньками. Но зачем нашим противникам знать эту изнанку?

И десятки тысяч солдатских сапог мы показывали не просто для хвастовства. Да, если турки с перепугу начнут массово увеличивать свою армию, в этом тоже есть серьезный

стратегический резон. Османская империя, чья экономика и так скрипит, гарантированно надорвется, пытаясь прокормить и вооружить полумиллионное войско.

Это чистой воды экономическая диверсия. Но главное — послы должны были своими глазами увидеть: Россия готова. Она будет иметь кратное численное преимущество, если война начнется прямо завтра. А значит, и сговорчивость турецкого посланника, когда он предстанет перед троном, возрастет многократно.

И вот делегация уже топталась в тронном зале. Стоящий неподалеку вице-канцлер Остерман задумчиво перекатывал в тонких пальцах огромный, глубокой синевы сапфир — личный дар турецкого султана. Рядом на бархатной подушке покоился ятаган из узорчатой стали, хищный и грозный, заточенный так, что пущенная по лезвию волосинка распадалась надвое. Намек читался кристально ясно: султан сказочно богат, раз может позволить себе разбрасываться такими камнями, а оружие его янычар бьет без промаха. По крайней мере, именно так хитроумный Остерман трактовал мне тайный язык восточной дипломатии.

Признаться, таких щедрых подношений от врага я не ожидал. Что ж, приятно. Камушек и впрямь оказался выдающимся. Уж не знаю, сколько в нем карат, но стоил он целое состояние и явно заслуживал получить собственное имя в императорской сокровищнице.

Я тяжело посмотрел на посланника сверху вниз.

— Говори, с чем пожаловал. Зачем проделал такой долгий путь? — голос мой под сводами зала звучал гулко и жестко. — Надеюсь, за время дороги ты успел понять: Россия вдоль в десять раз больше, чем поперек. И земель у нас больше, даже чем у султана. И людей у нас куда как больше, чем на всей земле твоего султана.

Последнее — ложь чистой воды. Османская империя все еще самая населенная страна Европы. Вторая — Франция, мы лишь четвертые. Но будет ли об этом знать посол? Россия и для своих союзников — страна загадок и вымыслов. А для врагов, тем паче.

— Земли великого падишаха, халифа всех мусульман невозможно посчитать. Весь мир — его земля, и лишь вопрос времени, когда это поймут остальные, — немедленно огрызнулся посланник, дерзко вскинув подбородок.

Переводчик почти синхронно перевел.

Я с интересом присмотрелся к нему. Выглядел он не совсем типичным турком. Внешне, конечно, похож, но вот одет был больше на европейский лад. Это лишь доказывало одно: мне предстоит вступить с этим султаном — Ахмедом Третьим — в крайне серьезное, хитроумное и бескомпромиссное противостояние.

«А вдруг в этом витке истории кровавого восстания в Константинополе так и не случится, и янычары не свергнут Ахмеда Третьего? — мелькнула у меня отрезвляющая мысль. — Что, если он всё-таки сможет удержать в узде свое

духовенство и старые элиты, проведя модернизацию, похожую на ту, что затеяли мы в России? Тогда нас ждет изнурительный геополитический бег на очень длинную дистанцию».

— Ну, для того чтобы все земли принадлежали султану, их сперва нужно суметь отобрать, — обманчиво спокойным тоном парировал я. — Готов ли твой повелитель к тому, чтобы насмерть сражаться за весь мир? С европейскими монархами? С моей империей? С персами, да хоть бы и с самим китайским богдыханом?

Я бил в самое болезненное место, в самую уязвимую точку османской гордыни. Бил так точно, что посланник, человек явно не робкого десятка и искушенный в умении держать лицо, всё же едва заметно скривился.

Да, османы наглухо застряли в прошлом со своими доктринами. Султан для них всё ещё Халиф — безоговорочный повелитель всех правоверных, хотя на деле это давно уже не так. Их политическая парадигма, по которой «всё подлунное царство по праву принадлежит падишаху», изжила себя. Но они упорно продолжают претендовать на все земли. Абсолютно на все.

А в реальности картина вырисовывается совершенно иная. Как начали их нещадно бить с тысяча шестьсот восемьдесят третьего года под Веной, так и покатилося: поражение за поражением. Единственным светлым пятном для Порты за эти десятилетия стал лишь катастрофический для

нас Прутский поход Петра Великого в Молдавию. И то, что турки сейчас относительно успешно воюют с персами — это не столько османская военная гениальность, сколько удачное стечение обстоятельств: Россия и Порта, совершенно не сговариваясь, начали теснить слабеющий Иран с двух разных сторон.

— Мой великий владыка, падишах и султан всех османов, спрашивает тебя, русский царь: когда ты уведешь свои войска из Крымского ханства? — чеканя слова, произнес турок. — Мой правитель великодушно обещает тебе, что все виновные в том варварском набеге на твои земли будут сурово наказаны. Твоя честь будет отмщена. Так что теперь ты можешь с миром возвращаться обратно в свои пределы.

Я лишь холодно усмехнулся, глядя на него в упор. Действительно, он обязан был попытаться взять меня на испуг. Видимо, там, в роскошных дворцах на берегах Босфора, свято верят, что я должен бояться новой войны с Османской империей как черт ладана. Мол, после унижительного окружения на реке Прут русский царь больше не осмелится даже смотреть в сторону юга, не говоря уж о том, чтобы бросать открытый вызов.

Но на меня это прутское недоразумение никак не действовало. Та катастрофа была следствием преступно несерьезного подхода к делу, пьяного головокружения от полтавских побед над шведами. Это был жестокий, но бесценный урок, пренебрегать которым сейчас было бы верхом глупости.

Трезво проанализировав Прутский поход, мы прекрасно поняли, как маневрировать. Поняли, что нельзя класть все яйца в одну корзину, бездумно растягивать коммуникации и лезть в мешок на вражеской территории. К войне нужно подходить со всей звериной серьезностью, а не превращать армейский поход в затяжную попойку с балами, распутством и откровенными оргиями. Ведь тогда добрая половина петровского двора выехала в причерноморские степи словно на увеселительную прогулку! Думали, раз разбили лучшую армию Европы, то и с остальными шутя справимся.

А турки, бесспорно, сильны. Как минимум — неисчислимо многочисленны. Воинского духа им не занимать. Порядка и европейской дисциплины в их рядах, правда, маловато, но звериный боевой дух, а не гнилой душок, у янычар определенно присутствует.

— Я бы даже не обратил внимания на эти дерзкие слова, если бы ты трусливо не прикрывался именем своего правителя, — медленно, чеканя каждый слог, произнес я. — Я глубоко уважаю султана и не хотел бы затевать с ним пустой ссоры. Но мы лишь вернули исконно русские земли, которые когда-то принадлежали еще киевским князьям — Тмутараканское княжество. А что касается обещаний покарать виновных в набегах... Думаю, с этой задачей мы и сами прекрасно справляемся. Наши штыки карают надежнее.

Ох, как же больно это ударило по раздутому самолюбию турка! Желваки на его скулах так и заходили. Однако он дол-

жен быть благодарен, ведь я мог принять его совершенно иначе. Во-первых, помуржить в приемных месяц-другой, заставив унижительно ждать аудиенции, как это обязательно сделали бы в Константинополе, отправь я туда своего посланника. Во-вторых, я вполне мог заставить его стоять передо мной на коленях или вовсе приказать расprostереться ниц по старинному обычаю, как это было принято при приеме послов у византийского императора.

И, признаться, такие мысли у меня мелькали. Это был бы изящный исторический отсыл к тому, что Москва — Третий Рим. Ну, или теперь уже блистательный Петербург. Как минимум, именно Россия является истинной правопреемницей Византии, а уж никак не Османская империя, лишь захватившая ее древнюю столицу.

Из-за одного этого корневого, идеологического спора у нас не оставалось ни малейшего шанса быть с турками приятелями или даже сохранять прохладный нейтралитет. Уверен, что и в Диване — правительстве при османском султани — прекрасно понимают: небывало возросшая мощь России неизбежно сулит череду тяжелых войн. Это наше экзистенциальное противостояние.

Правда, в моих планах было ограничиться всего одной войной. Но войной скорой, безжалостной и победоносной. Иначе то передовое оружие, которое сейчас в великой тайне начинает массово производиться на наших мануфактурах, уже через какие-нибудь лет десять-пятнадцать попросту

не работает. Прагматичные европейцы обязательно переймут наш опыт, скопируют чертежи, а затем заботливо начнут учить турок, как правильно сопротивляться русским новшествам. Так что у нас есть только один шанс сорвать банк. И мы должны использовать его по максимуму.

— Так что конкретно ты предлагаешь, посол? — нарушил я повисшую тишину. — Я не могу уделять тебе слишком много времени. Говори прямо и отправляйся обратно к моему брату, падишаху и султану всех османов.

Посол ответил не сразу. Он тяжело попыхтел, раздувая ноздри, словно разъяренный бык на арене. Только что копытами не пытался взрыхлить идеально уложенный дубовый паркет тронного зала.

— Мой великий султан в ближайшее время не хочет с тобой войны. Он предлагает заключить перемирие, — наконец выдавил из себя турок.

— Перемирие заключается лишь тогда, когда война уже идет, — холодно отрезал я. — Значит ли это, что мой венценосный брат признает: мы уже воюем?

— Если ты не уводишь свои полки из Крыма, то так оно и есть.

— Если я не уйду из Крыма... А Россия оттуда не уйдет, запомни это крепко. Но если мой брат действительно жаждет перемирия, то пусть для начала снимет железные цепи в устье Дона! — последнюю фразу я бросил предельно жестко, всем телом подавшись вперед и едва сдержавшись, чтобы не

ударить посохом по полу.

Мой замысел был не сложным к пониманию. Мне был необходим свободный проход для военных судов, которые уже спешно строятся на воронежских верфях и часть из которых уже спущена на воду. По Дону — напрямик к Азову и Крыму. Оставлять наш новый южный форпост полностью беззащитным перед угрозой масштабных турецких морских десантов мне никак не улыбалось. Хотя уже в самое ближайшее время на полуостров будут направлены опытные корабельные команды. Они начнут строить даже не полноценные линейные корабли, а тяжелые артиллерийские площадки — массивные плавучие батареи, призванные медленно, но уверенно курсировать вдоль побережья, наглухо прикрывая своим огнем наиболее уязвимые для вражеского десанта бухты полуострова.

— Ты молчишь? — угрожающе тихо спросил я, слегка подавшись вперед. — Тогда слушай внимательно. Если мне де-факто уже объявлена война, то я немедленно начинаю полномасштабные военные действия. Все те войска, которые сейчас расквартированы в городах и мимо которых ты проезжал, по одному моему слову придут в движение. Двести пятьдесят тысяч отборных воинов, прекрасно обученных, с тяжелой артиллерией и быстрой кавалерией, отправятся на юг. И прежде всего они огненным валом пройдутся по вашим пограничным твердыням. Как скоро твой султан сможет прийти на выручку осажденным гарнизонам? И запом-

ни: так, как в прошлый раз я брал Азов — с долгими осадами и заминками, — больше не будет. Это будет решительный, кровавый и обязательно победоносный штурм. Но пока я предлагаю выбор. Я прошу лишь об одном: чтобы была немедленно снята цепь через реку...

— Мы подпишем перемирие. Но лишь перемирие, царь, — процедил сквозь зубы турок. По его побелевшему лицу было видно: он чувствует себя загнанным в угол.

— Тогда мне больше не о чем с тобой разговаривать. Мой канцлер проведет оставшиеся протокольные переговоры и подпишет бумаги. Мои условия я озвучил. И они незыблемы, как слово русского императора, — отрезал я.

Посланник прекрасно понял, что дипломатическим языком его только что послали к черту. Коротко поклонившись, уже без прежней восточной спеси, он развернулся и быстрым, нервным шагом покинул тронный зал.

Я тяжело опустился в кресло и посмотрел в сторону Андрея Ивановича Остермана, который всё это время хранил абсолютно каменное выражение лица.

— Что скажешь, канцлер? Чересчур грубо я провел переговоры?

— Ваше императорское величество, уже одно то, что вы вообще снизошли до личной беседы с этим пашой, который при дворе султана мало что решает, — это более чем неслыханная вежливость, — невозмутимо ответил Остерман.

— А ты, я погляжу, начинаешь неплохо разбираться в тон-

костях восточных характеров, — усмехнулся я. — Алексей Петрович, а ты что скажешь? Что заметил? — обратился я к Бестужеву.

— Осмелюсь заметить, государь, они могли бы согласиться и на большее, — задумчиво произнес вице-канцлер, потирая подбородок.

— А нам большего пока и не надо, — покачал я головой. — Если мы начнем жадно торговаться и выжимать из них всё прямо сейчас, то потом, когда придет время начинать настоящую войну, мы выступим в роли вероломных агрессоров. Но мы и без того прекрасно поняли друг друга. Выходит, что турки, равно как и мы, просто выгадывают время. И вот теперь, господа, нам ни в коем случае нельзя потерять персов. Нужно аккуратно, но сильно поднажать на них, чтобы они официально признали свой вассалитет от России.

Я обвел взглядом присутствующих чиновников и по их вытянувшимся лицам отчетливо прочитал: они посчитали меня сказочником. Идея бескровно подмять под себя древнюю Персию казалась им фантастикой.

Но я-то знал то, чего не ведали они. Знал, что персы в самое ближайшее время — если я, конечно, ничего не предприму — от безысходности объявят о своем вассалитете Османской империи, чтобы не быть вырезанными. Знал, что они готовы потерять свою государственность. Да, в той реальности это было лишь краткосрочным явлением, потому как вскоре нашелся деятельный полководец Надир-шах, ко-

торый, по сути, развязал успешную войну за независимость. Но факт остается фактом: раз уж персидские элиты этого поколения способны сломаться и пойти под руку османам, не найдя в себе сил категорически отринуть предложения турок, то почему бы этому не произойти в отношении Российской империи?

Они ментально готовы лишиться суверенитета из страха. Важно лишь найти правильные аргументы и предложить им нашу защиту.

— Вот и думайте, господа министры, что именно им можно предложить. Но так, чтобы Каспийское море навсегда осталось внутренним озером России, — припечатал я, подводя итог. — А с другой стороны, я велю немедленно послать вестовых к Меншикову. Пусть Александр Данилович быстрее решает вопрос с Хивой. Если у него там всё выгорит, мы сможем давить на персов с двух сторон стальными клещами. При этом еще и навяжем им нашу «братскую помощь» в войне с османами. Выхода у них просто не останется.

— Но мы же не собираемся воевать с султаном уже в этом году? — с каким-то затаенным отчаянием спросил Остерман.

Как я уже успел заметить, этот хладнокровный интриган начинал откровенно нервничать, когда не разгадывал конечной цели предпринимаемых мною действий. Его пугала непредсказуемость. А как, скажите на милость, объяснить этим умнейшим людям восемнадцатого века концеп-

цию «прокси-войны»?

— Зачем нам самим открыто участвовать в этой бойне? — я усмехнулся. — Разве что какие-нибудь лихие казаки захотят пошалить за кордоном. Естественно, на официальном уровне мы их строго осудим: мол, это не наши регулярные части, а самоуправство отдельных степных атаманов. Но при этом из тайной казны мы щедро заплатим им золотом. Заплатим так много, чтобы казаку, если уж выпадет ему такая доля, было не обидно сложить свою буйную голову за интересы империи.

Я обвел взглядом притихших министров.

— Что нам мешает тайно выдать оружие, которого у нас теперь скопилось немало? Особенно с учетом того, что армия стремительно переходит на новые образцы. Старые мушкеты, устаревшие пушки, да и весь тот колоссальный арсенал, что мы захватили у турок — почему бы не отправить всё это добро грузинам? Армянам? Ну и, конечно же, самим персам. Главное, чтобы они не разгромили османов подчистую — это им всё равно не по силам, — а надолго увязли в позиционной резне. Они должны сдерживать турок ровно настолько, чтобы у тех не было ни ресурсов, ни времени провести успешные переговоры и принудить Персию к выгодному для султана миру.

Сказал — и сам порадовался: на словах всё звучало исключительно гладко и красиво. Теоретически эта многоходовочка была вполне осуществима. Но как только я мыслен-

но представил, какой колоссальный объем черновой работы предстоит проделать... Как скрытно организовывать эти тяжелейшие логистические цепочки поставок оружия, даже с учетом того, что непроходимые горы Кавказа нам в помощь...

— Проработайте это, господа министры. Тщательно и в строжайшей тайне, — велел я. — Это жизненно важно для России. Наш порох, наш свинец, наше железо — всё это должно бесперебойно попадать к персам, а через них, возможно, и ко всем остальным народам, над которыми нависла тяжелая пята османского султана.

Я усмехнулся.

— Не робеть! У нас все только начинается! Не смотри, что я старик. И шведам чтобы больше ни рубля не передавали. Что же это такое, что сто тысяч им даем? Зачем? Чтобы не напали? Нет. Ни рубля, — сказал я.

От автора:

«Американские горки» советского попаданца. Глубинное государство, спецслужбы, мафия — один против всех. Реалистично. Без роялей. <https://author.today/work/489344>

Глава 6

Петербург.

24 сентября 1725 года.

«Ах, эта свадьба пела и плясала...» — мысленно усмехнулся я, вспомнив строчку из далекого будущего. А на улицах сейчас происходило ровно то, что и должно было: простой народ получал долгожданную отдушину, щедрое угощение и выпивку на дармовщину.

В Петербурге, в древней Москве и некоторых других крупных городах необъятной Российской империи с широким размахом отмечали замужество моей старшей дочери. Хотя во всех официальных рескриптах, разосланных мной назначаемым устроителям торжеств, было жестко указано: помимо самой свадьбы, а то и прежде нее, надлежит громогласно славить победы русского оружия и чудесное спасение царя-батюшки от очередного подлого покушения.

Признаться честно, стоя сейчас здесь, под гулками сводами недостроенного Петропавловского собора — к слову, мало похожего на тот законченный архитектурный шедевр, каким я знал его в своем будущем, — я ощущал легкие уколы совести. Всё-таки у родной дочери светлый праздник, венчание, а я и тут хладнокровно нашел возможность сыграть на пользу геополитическим интересам Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.